

**«МЫ ВСЕ УНИЧТОЖЕНЫ, МЫ ФАКТИЧЕСКИ
РАЗГРОМЛЕНЫ...» (РУССКИЕ МОНАРХИСТЫ
НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ)**

В статье рассматриваются взгляды и судьбы русских монархистов: М. О. Меньшикова, Ю. С. Карцова, Б. В. Никольского, Н. Н. Тихановича-Савицкого, Н. Е. Маркова, А. С. Вязигина и других накануне и после свержения самодержавия. Особое внимание уделено малоизвестным фактам из жизни А. И. Дубровина и Л. А. Тихомирова. Показывается отношение правых идеологов к политике Николая II и перспективам консервативной идеологии в России.

Задолго до Февральской революции в среде консерваторов можно было наблюдать рост пессимистических настроений в отношении перспектив существующего строя. Разочарование в возможностях власти сохранить и усовершенствовать существующую систему стало общим местом в рассуждениях значительного числа консервативных теоретиков и практиков начала века. С. Ф. Шарапов, К. Н. Пасхалов, Л. А. Тихомиров, Б. В. Никольский, М. О. Меньшиков и многие другие неоднократно писали об этом.

В 1906 г. дипломат и публицист Ю. С. Карцов сомневался, «справится ли монархия с теми задачами, социальными и политическими, которые выдвинула смута? Достанет ли у нее энергии возродиться и... в светлом одеянии появиться перед народом? Если же и эта последняя надежда исчезнет, – отрицательные силы возьмут верх над положительными, – распадется Россия и сделается добычей соседей» [1]. 24 сентября 1907 г. Тихомиров записывал в дневнике: «Страшное и беспримерное царствование: *никогда* и, вероятно, *нигде* за столь краткое время не было разрушено *все*: власть, вера, совесть, честь, достоинство, даже простое самолюбие. Я бы не поверил прежде, что в состоянии буду пережить падение и поругание всей святыни, всего дорогого, чем жил. И что же? Помучился, помучился и *пережил*... И живу – страшно сказать – *ни на что не надеясь, зная*, что погибла родина, погиб мой народ, моя церковь, мои политические идеалы... И *живу!* Странно самому» [2]. 21 января 1908 г. следует запись: «Россия медленно, но неуклонно выходит на банальный общегражданский конституционный путь. *Царство русское* кончено при Николае II. А с концом *царства русского* кончается и союзно церковно-государственный строй. Все это, по-видимому, уже *непреложно*, бесповоротно. Воскресить русскую идею теперь еще мог бы, может быть, *гениальный царь*, а через десяток лет уже и никакой гений не воскресит» [3].

Летом 1909 г. Меньшиков заканчивал статью «Хозяева и работники» печальным прогнозом: «Социализм, вероятно, придется испытать, как многое дурное, чтобы убедиться, до чего он не отвечает природе общества. Социализм следует рассматривать не как восстание труда против капитала, а как бунт трудовой посредственности против трудового таланта» [4].

Рано или поздно даже у самых убежденных защитников монархии, по сути, положивших на борьбу всю жизнь, опускались руки, и причину кризиса многие из них видели в правительстве и лично в Николае II. Летом 1912 г. следует запись в дневнике Никольского: «Боже, Боже мой, какой ужас жить в царствование Николая II и знать, сколько я знаю, и понимать безнадежность

будущего еще лет на 12–15!» [5, с. 355]. В том же году В. Строганов прогнозировал: «Приглядитесь кругом, что у нас делается, каких людей назначают на ответственные посты, какой произвол и самоуправство царят всюду, точно в нас вселились бесы, которые толкают Россию не к лучезарному будущему, а к полной гибели! Какая “охрана” нас может спасти при таких условиях от новой революции!» [6].

Не последнюю роль в падении авторитета самодержца в консервативно настроенных кругах сыграла Первая мировая война. Н. Н. Тиханович-Савицкий 5 мая 1916 г. писал Н. Н. Родзевичу: «Если бы при теперешнем трепете наверху нам удалось добиться лишь предложенных мною небольших изменений, то и тогда мы могли бы умереть спокойно, зная, что высвободили Россию из конституционной петли и поставили ее на путь самобытного развития. «Но не поздно ли?» – как спрашивает меня Н. Д. Облеухов (вполне наш), близко стоящий к Пуришкевичу. Пасхалов потерял веру в восстановление самодержавия окончательно, сказать правду, и я в глубине души колеблюсь, а вы знаете, какой я упорный. Л. А. Тихомиров – совсем отошел обескураженный» [7].

Стремительная потеря властью своего авторитета вызвала у многих консерваторов желание объяснить произошедшее действием «темных сил». В числе основных «виновников» фигурировали: думская оппозиция, представители либерального движения, социалисты, евреи, масоны, Г. Е. Распутин и т.д. Симптоматично, что даже те, кто считал себя убежденными монархистами, не видели ничего зазорного в фиксировании самых грязных слухов, связанных с темой «распутинщины». А. А. Бобринский в 1911 г. «заносил в дневник сплетни по поводу нетрадиционной сексуальной ориентации императрицы» [5, с. 352–353], Никольский в 1912 г. отмечал в дневнике «эротоманство» Александры Федоровны [5, с. 351]. Тихомиров в 1915 г. описывал сексуальные подробности скандала, связанного с распутинским ставленником Варнавой: «Кредит Государю подрывается страшно. А Он – поддерживая этих Распутиных и Варнав – отталкивает от себя даже и дворянство, и духовенство... Что такое Варнава?... Он друг и единомышленник Григория Распутина, и им выведен в люди. О нем рассказывают, с нравственной стороны, вещи похуже Распутинских. Говорят, что он педераст. Востоков рассказывал, со слов каких-то коломенских жителей, что у него в монастыре (в Коломне) был мальчик – служка, который служил его страсти, а потом таинственно погиб, именно был найден в мельничном омуте. Молва считала это *убийством*. Об этом производилось судебное следствие, которое будто бы бросало подозрение на Варнаву (тогда настоятеля монастыря), но было прекращено по приказанию свыше. Что здесь правда – не знаю. Но в той же Коломне есть восторженные почитатели Варнавы. Родом он – огородник в Каргополе, и, по рассказам, был тогда еще известным развратником. Потом пошел в монахи, и с помощью Распутина – достиг высшего положения. Пользуется, как говорят, благоволением Императрицы. Кологривов не рассказывает подробности, но хорошо знает григорианско-дворцовые отношения. У него какая-то племянница – фрейлина и «распутинка», друг Вырубовой. Кологривов, не говоря ничего фактического, только вздыхает, что там идет тяжкая драма, и порицает тех, которые не жалеют растревлять раны Государя. Это, конечно, и мне самому страшно жалко Государя. Но жалко и Россию, и Церковь, которые страдают от этой драмы. Да страшно мне и *будущее* за самого же Государя.

Никто не подготовляет Царствующей династии таких бедствий, как этот трижды проклятый Распутин» [8].

В дневниках Тихомирова 1915–1917 гг. целые страницы посвящены Распутину и связанным с ним слухам: «Рассказами о Гришке полна Россия. Так еще недавно слышал уверения, что Хвостов назначен в министры Гришкой. Нет сомнения, что все такие слухи раздуваются врагами Самодержавия, – но это не изменяет результатов. Как прежде – очень давно, в начале Царствования, общий голос был – что Царица держится в стороне от государственных дел, так теперь все и всюду говорят, что она беспрерывно и всюду мешается и проводит будто бы именно то, чего хочет Григорий Распутин. Этот злой гений Царской Фамилии сам постоянно направо и налево рассказывает о своем влиянии. Это такая язва, такая погибель, что и выразить невозможно...» (2 января 1916 г.) [9].

Характерно, что Тихомиров верил в существование «темных сил». 9 декабря 1916 г. он записывает: «Да, революция назревает и надвигается. Теперь ее проводят в жизнь высшие классы и чины, а потом – поведут уже на свой лад рабочие и крестьяне. Кто тут останется в живых, один Господь ведает. Но можно весьма думать, что сама виновница зла, «темная сила», в лице Гришки Распутина, благополучно удерет в критический момент куда-нибудь за границу» [10]. Тяжелое настроение создавало и чтение Тихомировым, работавшим в этот период над своей новой книгой, произведений конспирологического характера: «Я думаю, что тут вступилось в дело *масонство*. Вильгельм – масон. А каковы силы масонства у нас, в России? Кто это ведает? По мнению аббата Турмантена – масоны приобрели в России огромную силу» [11]; «Я теперь читаю... о влиянии франкмасонов на политику XIX века. Правду сказать, страшно делается. Очень похоже, что и мы в их руках. Как изумительно, что никто в России не читает этих книг, не подозревает о[б] их существовании» [12]. Итог неутешителен: «Мне кажется все более вероятным, что Россия уже стала игрушкой масонства, ведущего штурм против последнего оплота христианства» [13].

Правые, за редким исключением, отнюдь не мечтали после Февральской революции о возвращении свергнутому императору престола, не стремились организовать освобождение царской семьи, а пытались приспособиться к новым условиям. 4 марта 1917 г. бывший председатель Русского монархического союза С. А. Кельцев направил представителям московских городских властей телеграмму «о полной поддержке революционных событий». В ней, в частности, было написано: «Да благословит Господь новое правительство, да поможет излечить ему внутреннюю разруху государства, созданную прежним правительством, единодушно осужденным в преддверии настоящих великих народных дней в заключительных февральских беседах Русского монархического союза, силою вещей прозревшего вместе со всей страной... и ныне обратившему остаток своего состава для честного и не за страх, а за совесть [служения] благу родины и новому правительству, разрушившему темные силы и темноту России. Ура главам правительства... Постараюсь служить посылно новому правительству, с усердием, безвозмездно испытанным в былые годы московским земством... Искренно преданный статский советник Сергей Кельцев, бывший председатель правления упраздненного Монархического союза» [14].

Не менее определенную антимонархическую позицию заняли в этот период Синод и подавляющее число представителей высшей церковной иерархии [15, с. 27–33]. Современный историк верно отмечает, что «отказ церкви от “стояния за Царя” во многом предопределил фактический сход с российской политической сцены монархического движения. У монархистов ментально ушла из-под ног идеологическая почва» [15, с. 32].

При чтении статей и дневника Меньшикова, написанных после крушения самодержавия заметно их сходство с дневниками Тихомирова. В статье «Жалеть ли прошлого?» он писал: «Для русского цезаризма война эта в неожиданном ее развитии все равно обещала гибель. Может быть, это и служило одною из главных причин, парализовавших нашу подготовку к войне и энергию ее ведения... Спрашивается, стоит ли нам жалеть прошлое, если смертный приговор ему был подписан уже в самом замысле трагедии, которую переживает мир?.. Не мог же несчастный народ русский простить старой государственной сухомлиновщине того позора, к которому мы были подведены параличом власти... Жалеть ли нам прошлого, столь опозоренного, ослабленного, психически-гнилого, заражавшего свежую жизнь народную... Весь свет поражен внезапностью русского переворота и взволнован радостью, взволнована радостью и вся Россия... Старый порядок рухнул от неуважения к свободе, то неуважение подрывает и всякий порядок, который наследует эту язву» [16].

Весной 1917 г., когда Петроградский Совет попытался закрыть «Новое время», Меньшиков был отстранен от работы в газете. В последней статье, которая появилась в газете 19 марта, подводились итоги: «Я далек, конечно, от мысли считать всех наших самодержцев чудовищами порока или безумия. Такие бывали, но гораздо хуже, что подавляющее большинство из монархов были слишком невыдающиеся, слишком заурядные люди. И вот в руки этих-то слабых и НЕУМНЫХ людей, очутившихся в вихре лести и измены, попала историческая судьба великого народа... сосредоточив на себе народное могущество, монархи решительно не знали, что с ним делать... Отделялись крохотными, легонькими задачками и систематически задерживали великую, наиболее необходимую перестройку своих народов. Важнейшие реформы начинались и никогда не оканчивались или оказывались безобразно смятыми... Трагедия монархии состояла в том, что, отобрав у народа его волю, его душу, – монархия сама не могла обнаружить ни воли, ни души, скольконибудь соответствующей огромной и стихийной жизни. Энергия народная веками глохла в... центре своей власти... Великий народ обречен был на медленное вырождение, подобно азиатским соседям, от атрофии своих высших духовных сил – сознания и воли» [17].

В дневнике Меньшиков неоднократно обращался к анализу правления последнего императора. Итоги анализа были безжалостны: «Боже, до чего прав я был, чувствуя задолго до войны глубокое возмущенное и презрительное чувство к Николаю II! Он погубил Россию, как губит огромный корабль невежественный или пьяный капитан, идущий в узком фарватере и передающий неверный курс на штурвал. Роковой человек! Одно к одному: несчастный народ, выдвинувший нечестивый и ленивый высший класс, должен был потерпеть наказание, получив одностильного с ними царя» [18, с. 138–139]. В дневнике можно найти и такие строки: «Разве ты не убедился в низости и безверии церковной иерархии и в глупости царя... Просто Николай II был

слабый человек... Не большой это был человек, не сильный, – вот и вся его трагедия. Самоуверенный был необыкновенного... хотел быть самодержцем, полагая самодержавие в банальнейшем, чуть ли не бабьем толковании этого слова. Боялся людей умней себя – стало быть, не очень был умен... Бюрократ был, типичный чиновник, сидел двадцать лет в окопах казенных бумаг... Свидетель моего времени, я твердо уверен, что на месте Николая II можно было избежать и японской войны, и теперешней, и тогдашней революции, и теперешней... Но для этого нужно иметь не те газельи глаза, не тот изнеженный декадентский мозг, не то размягченное воспитание, не то чутье и характер... Не знаю, как я поступил бы, но следовало бы на троне сидеть громовержцу и полубогу, а не вырожденцу и слабняку» [18, с. 19, 155–157].

После сообщения о расстреле бывшего самодержца Меншиков записал в дневнике: «Тяжелая тоска на сердце. Зачем эта кровь? Кому она нужна? ... При жизни Николая II я не чувствовал к нему никакого уважения и нередко ощущал жгучую ненависть за его непостижимо глупые, вытекавшие из упрямства и мелкого самодурства решения... Это я ставил в вину царю *как хозяину*. Ничтожный был человек в смысле хозяина. Но все-таки жаль несчастного, глубоко несчастного человека: более трагической фигуры “Человека не на месте” я не знаю. Он был плох, но посмотрите, какой человеческой драматургией его окружил родной народ! От Победоносцева до Гришки Распутина все были внушители безумных, пустых идей. Все царю завязывали глаза, каждый своим платком, и не мудрено, что на виду живой действительности он дошел до края пропасти и рухнул в нее» [18, с. 169].

В письме, написанном весной того же года, другой монархист – Никольский, был не менее откровенен: «На реставрацию не надеюсь... Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее. Царствовавшая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится. Та монархия, к которой мы летим, должна быть цезаризмом, то есть таким же отрицанием монархической идеи, как революция. До настоящей же монархии, неизбежной, благодатной и воскресной, дожить я не надеюсь. До нее далеко, и путь наш тернист, ужасен и мучителен, а наша ночь так темна, что утро мне даже не снится» [19].

На последних страницах дневника Меншиков писал в отчаянии: «Если ты выброшен за борт в пустынном море, то все, что бы ты ни предпринял, будет ошибкой. Единственно правильное – идти ко дну... радикальный способ спасения – книзу, в смерть... страшна ведь не смерть, а умирание, сознание гибели... О, если бы я был один! Взял бы котомку и пошел побираться Христа ради» [18, с. 221]. 14 сентября 1918 г. он был арестован и 20 сентября расстрелян чекистами на берегу Валдайского озера. В 1993 г. Меншикова реабилитировали: «Новгородская прокуратура удовлетворила долгие хлопоты потомка Меншикова и согласилась с тем, что обвинения определенных революционных групп в 1918 году против знаменитого русского журналиста были сфабрикованы из ничего» [20]. В настоящее время на могиле Меншикова и его сына, М. М. Меншикова, умершего в 1922 г., установлены памятная доска и крест. Там же похоронен и другой сын публициста – Г. М. Меншиков, скончавшийся в 1991 г.

Были репрессированы и другие правые. После падения самодержавия А. И. Дубровин арестовывался и допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства во главе с Н. К. Муравьевым. Исследователь монархического движения С. А. Степанов в новом дополненном вари-

анте своей монографии обращается к этому сюжету [21]. Правда, к сожалению, автор делает это не совсем корректно. Цитируя материалы из архивного следственного дела Дубровина¹, он не только не дает ссылку на текст публикации, оговорившись, что он располагает «только интернет-ссылкой на эти документы», но не указывает ни названия публикации, ни ее место, ни даже интернет-ссылку на сайт, откуда взят цитируемый материал [21, с. 477–478, 539].

Впоследствии Дубровин вспоминал, что 28 февраля 1917 г. был арестован и препровожден в Думу, откуда был в тот же день освобожден с охранными свидетельствами, данными ему лично и его имуществу. Но, выходя из Думы, он встретился с А. Ф. Керенским, который вновь приказал арестовать Дубровина. В ночь с 2 на 3 марта он был переведен в Петропавловскую крепость. Поэт А. А. Блок, участвовавший в работе комиссии, оставил описание своего посещения вместе с Муравьевым камеры, где сидел бывший лидер монархистов: «Дубровин, всхлипнувший и бросившийся целовать руку Муравьева, потом с рыданием упал на койку (гносные глаза у старика)» [21, с. 457].

Потом Дубровин рассказывал о том, как 24 мая 1917 г. его посетили в камере представители следственной комиссии во главе с Муравьевым. Последний объявил Дубровину, что следствие по его делу окончено и установлено, что он не совершил ничего преступного и поэтому отчислен от следственной комиссии во власть министра юстиции. При этом Муравьев посоветовал подать прошение об изменении меры пресечения, упомянув о том, что сделать это указано председателем ЧСК. После ухода представителей Комиссии Дубровин немедленно же подал прошение. 10 мая к нему опять пришел Муравьев с товарищем прокурора судебной палаты и напомнил Дубровину, что тот отчислен от Судебной комиссии и находится в ведении министра юстиции, рекомендовал обратиться с просьбой к пришедшему с ним товарищу прокурору. Дубровин попросил освободить его из заключения и сохранить оставшееся имущество, находящееся в его квартире, от расхищения. Товарищ прокурора обещал исполнить эти просьбы, после чего Дубровин был переведен во временное помещение офицерской гауптвахты.

20 октября 1917 г. он был отпущен к жене. 2 ноября ему была предоставлена полная свобода, «с правом проживать по всей России». 13 ноября 1917 г. он с женой переехал в Москву, где поселился на квартире старшего сына в Денисовском переулке (дом 9, квартира 1), где и проживал вплоть до ареста, произведенного уже чекистами. Жена Дубровина умерла 28 ноября 1918 г., сам же он в течение двух лет болел и никуда не выходил из квартиры до весны 1919 г. Чтобы достать средства он стал оказывать помощь больным в доме, в котором жил, а потом к нему стали обращаться и другие больные, живущие неподалеку. В ноябре он подал заявление с просьбой позволить ему поступить на советскую службу и с 1 декабря вплоть до ареста занимал должность врача Первой Лефортовской амбулатории. Измученный болезнью

---

¹ Материалы введены в научный оборот в статье: Макаров В. Г. Репников А. В. Русские монархисты после октября 17-го. Новые документы // Ф. И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма. Сб. статей / Отв. ред. Ю. Г. Волков. – Р. И. Дону, 2004. Т. 1. – С. 47–65. См. также: *Они же*. Дубровин А. И. // Санкт-Петербург: Энциклопедия. – СПб.–М., 2004. – С. 261; *Они же*. Александр Дубровин и Лев Тихомиров: судьба после крушения самодержавия // Историк и время : Сборник научных статей. – Пенза, 2004. – С. 131–144.

он поклялся оставить политику и проводил жизнь совершенно уединенно, избегая всяких встреч и сношений с кем бы то ни было, кроме больных, к которым являлся только как врач. Уже после ареста он написал на одном из допросов: «Теперь убежденный, что предрержащее советское правительство стоит выше мести людям за прежние убеждения и деятельность, и, позволяя себе надеяться, что будет принято во внимание также и следствие, произведенное обо мне чрезвычайной судебной комиссией под председательством Н. К. Муравьева, продолжавшееся 3 месяца – март, апр[ель] и май 1917 и признавшее меня не совершившим ничего уголовного... я беру на себя смелость надеяться, что я буду возвращен к своей... работе врача...» [22, с. 270].

Дубровин был арестован 21 октября 1920 г. сотрудниками Особого отдела ВЧК в Москве по обвинению в том, что «с 1905 по 1917 гг. являлся председателем «Союза Русского Народа», который боролся с освободительным движением в России» [22, с. 270]. 30 октября 1920 г. Дубровину было предъявлено обвинение «в контрреволюции». Его лично допрашивали В. Р. Менжинский, М. Я. Лацис и Б. М. Футорян. 1 ноября следователь Особого отдела ВЧК В. Д. Фельдман вынес заключение по его делу, записав:

«Следственный материал, имеющийся в деле:

1. Собственные показания обвиняемого: Председатель Союза Русского Народа с 1905–1917 г. до февр[альской] революции, отрицает гнусности этого Союза, уверяет, что всегда любил евреев, утверждает, что «Союз» [занимался] культпросвет[ительной] работой.

2. Показания свидетелей: Вся Россия знает о деятельности Союза Русск[ого] Народа.

3. Вещественные доказательства —

4. Другие обстоятельства: гнусный старик, производит отвратительное впечатление на всех, кто с ним сталкивался и не знающих, кто он такой, дрожит за свою шкуру. Характерен прочерк в графе «вещественные доказательства» и стилистическое сходство данной следователем характеристики – «гнусный старик» с вышеприведенной записью Блока о Дубровине: «Гнусные глаза у старика».

На основании вышеизложенного следствием считается обвинение гр. Дубровина А[лексан]дра Иван[овича] в организации до рев[олюции] убийств, погромов, инсинуаций, подлогов, стремящихся всей своей деятельностью задуть освобождение России, доказанным-недоказанным за недостаточностью улики» [22, с. 308]. Слова на бланке «недоказанным за недостаточностью улики» были зачеркнуты. Решено было «на основании данных следствия и заключения следователя дело гр. Дубровина А[лексан]др[а] Ив[ановича] по обвинению его-ее в активн[ом] душителстве осв[ободительного] движ[ения] в России считать законченным и обвинение доказанным, дело передать на рассмотрение Коллегии ВЧК с предложением б[ывшего] председателя Союза Русского Народа А. И. Дубровина – расстрелять» [22, с. 309]. Сведений о точной дате приведения приговора в исполнение и месте захоронения Дубровина в Центральном архиве ФСБ России не имеется. В материалах дела содержатся два постановления по «делу Дубровина» с аналогичным приговором: 1) Коллегии ВЧК от 29 декабря 1920 г. и 2) заседания Президиума ВЧК от 14 апреля 1921 г. Датой смерти Дубровина принято считать 1921-й год. Спустя 77 лет после расстрела, по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 сентября 1998 г., Дубровин был реабилитирован [22, с. 271].

В Петрограде, по сообщению советской прессы, 17 июня 1919 г. по приговору Петроградского ЧК в числе заложников с формулировкой «за принадлежность к контрреволюционной деятельности» был расстрелян Никольский. Библиотека ученого была конфискована и поделена между несколькими государственными книгохранилищами. В период «красного террора» был арестован Д. И. Иловайский, но благодаря усиленным хлопотам удалось добиться его освобождения. В своих воспоминаниях М. И. Цветаева подробно описала обстоятельства ареста и освобождения историка, который умер своей смертью 15 февраля 1920 г. В начале апреля 1919 г. А. С. Вязигин, продолжавший вести преподавательскую деятельность, был отстранен от преподавания и лишен профессуры. В мае его заключили в тюрьму. Современные исследователи недавно смогли уточнить обстоятельства его смерти [23]. Согласно этим обстоятельствам, Вязигин был отправлен из Харькова в Орел как заложник и зарублен в Орле 11 (24) октября 1919 г. Булацель, арестованный в сентябре 1918 г., был, как и Вязигин, объявлен заложником и расстрелян в Петрограде 2 (15) февраля 1919 г.

Арестованный в конце мая 1917 г. Н. Е. Марков был освобожден после допроса, на котором, в частности, признал: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, – в том числе и я, пока не арестован, – мы скрываемся» [24]. До конца 1918 г. он прожил на нелегальном положении, участвуя в деятельности контрреволюционных организаций. Затем перебрался в Финляндию, боролся против большевиков в рядах Северо-Западной армии и весной 1920 г. эмигрировал в Германию. Был одним из наиболее активных деятелей русской монархической эмиграции. Организовал Съезд хозяйственного возрождения России (Бад Рейхенгалль, Бавария, 29 мая – 7 июня 1921 г.) и стал председателем избранного съездом Высшего монархического совета, который должен был координировать деятельность монархических сил, направленную на восстановление в России православной монархии. В двухтомнике «Войны темных сил», изданном в 1927–1930 гг., и в своих статьях Марков продолжал писать о том, что в российской революции виновны мasons, евреи и «британские империалисты». Он сожалел, что в период подъема монархического движения в 1906–1907 гг., когда Союз русского народа представлял удобную возможность, для создания «государственной организации всенародного монархизма» тогдашняя власть не доросла «до понимания того, что впоследствии понял в Италии Муссолини», досадовал, что у тогдашнего российского правительства не хватило силы «опереть Верховную Власть на организованную в мощные монархические союзы лучшую часть народа» [25]. Книги Маркова вызывали интерес среди немецких и русских националистов, что способствовало их переизданию и переводам на немецкий язык. Скончался Марков в Висбадене (Германия) в 20-х числах (по некоторым данным – 24) апреля 1945 г. Обстоятельства смерти и место захоронения неизвестны. Правда, в очередном томе издания «Незабытые могилы» в качестве года смерти Маркова, значится 1947, но это явная ошибка [26].

В эмиграции монархист Н. Д. Тальберг объяснял причины поражения правых: «В 1917 г. не могла создаться Вандея; Вандея во время опаснейшей внешней войны была бы явной изменой России. Отречение Государя Императора и Великого Князя Михаила Александровича и признание Временного

правительства многими Великими Князьями лишало монархистов даже формального права начинать в то время гражданскую войну – ради восстановления Монархии» [27].

Диапазон русского консерватизма был необычайно широк, включая в себя и крайних охранителей, и либералов-консерваторов, и «черносотенцев». Консервативный спектр русской политической жизни эволюционировал. В 1917 г., когда эта эволюция была прервана, она далеко еще не закончилась. Казалось, что после падения самодержавия правая идеология навсегда исчерпала себя в России, но этого не произошло. Идеям не свойственно исчезать бесследно. Будь это либеральная, консервативная или социалистическая идея, она не пропадает после того, как ее апологеты покинут политическую сцену. Идея «засыпает» или трансформируется (порой весьма неожиданно, как это было у тех монархистов, которые поддержали в эмиграции И. В. Сталина или А. Гитлера, или как это было у евразийцев и сменовеховцев, заимствовавших идеи из арсенала русских консерваторов).

Начиная с 1990-х гг. XX в. в научном и политическом мире значительно возрос интерес к русскому консерватизму и его представителям, хотя, безусловно, многое из того, что предлагали консерваторы на рубеже XIX–XX вв., кажется сейчас архаичным. Тем не менее, консерватизм не только остается предметом научных исследований, но и популярен в российской политике.

Список литературы

1. **Карцов, Ю. С.** Семь лет на Ближнем Востоке 1879–1886. Воспоминания политические и личные / Ю. С. Карцов. – СПб., 1906. – С. 392.
2. Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. – М., 1933. – Т. 6. – С. 118.
3. Из дневника Льва Тихомирова // Красный архив. – М., 1935. – Т. 5. – С. 134.
4. **Меньшиков, М. О.** Письма к русской нации / М. О. Меньшиков. – М., 1999. – С. 162.
5. **Лукьянов, М. Н.** Консервативная научная интеллигенция и власть (1907–1914) / М. Н. Лукьянов // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов : материалы Международного научного colloquiuma. – СПб., 2003.
6. **Строганов, В.** Русский национализм, его сущность, история и задачи / В. Строганов. – М., 1997. – С. 27–28.
7. Правые партии. 1905–1917 годы. Документы и материалы : в 2 т. / сост., авт. введен. и комм. Ю. И. Кирьянов. – М., 1998. – Т. 2: 1911–1917 годы. – С. 552.
8. ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 25. Л. 46 об. – 48.
9. ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 26. Л. 3 об. – 4.
10. ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 27. Л. 71.
11. ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 24. Л. 103 об.
12. ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 27. Л. 59.
13. ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 25. Л. 54.
14. Февральская революция 1917 года : сборник документов и материалов / сост. О. А. Шашкова ; отв. ред. А. Д. Степанский, В. И. Миллер. – М., 1996. – С. 303.
15. **Бабкин, М.** «Священство» против «царства»? / М. Бабкин // Родина. – 2007. – № 3.
16. **Меньшиков, М. О.** Жалеть ли прошлого? / М. О. Меньшиков // Новое время. – 1917. – 7(20) марта.
17. **Меньшиков, М. О.** Письма к ближним / М. О. Меньшиков // Новое время. – 1917. – 19 марта (1 апреля).
18. Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX века). М. О. Меньшиков. Материалы к биографии / публ. М. Б. Поспелова. – Вып. IV. – М., 1993.

19. Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому. 1913–1918 / публ. С. В. Шумихина // Звенья. Исторический альманах. – Вып. 2. – М. ; СПб., 1992. – С. 359–360.
20. **Поспелов, М. Б.** О Меньшикове и веке двадцатом / М. Б. Поспелов // Меньшиков М. О. Кончина века. – М., 2000. – С. 4.
21. **Степанов, С. А.** Черная сотня / С. А. Степанов. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2005.
22. Следственное дело доктора Дубровина / вступ. ст., публ. и прим. В. Г. Макарова // Архив еврейской истории. Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. – М., 2004. – Т. 1.
23. **Каплин, А.** Андрей Сергеевич Вязигин (1867–1919) / А. Каплин, А. Степанов // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / сост. и ред. А. Д. Степанов, А. А. Иванов. – СПб., 2006. – С. 363–366.
24. Падение царского режима. – М. ; Л., 1926. – Т. VI. – С. 191.
25. **Марков, Н. Е.** Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / Н. Е. Марков. – М., 2002. – С. 150.
26. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 / сост. В. Н. Чуваков. – М., 2004. – Т. 4.
27. **Тальберг, Н. Д.** О Вере, Царе и Отечестве / Н. Д. Тальберг. – М., 2004. – Кн. 1. – С. 552.